

близкую, родную. Я хочу ее позвать, сказать, что я здесь, но не могу произнести и слова. Она чистает. Я слушаю ее тихий голос, напоминающий шелест листвы, и с удивлением понимаю, что знаю, чем закончится история – я слышал ее много раз, рассказанную этим голосом. В груди начинает давить и скрипеть, будто кто-то пытается открутить заржавевший болт.

– Денис. – Видение исчезает, Катя смотрит на меня настороженными глазами.

Я замечаю, что глаза ее совсем не темные, а какого-то нового, не знакомого мне оттенка. Они притягивают, и, вглядываясь в них, я осознаю, что улыбаюсь.

Поезд прибывает вовремя. Мы садимся в вагон. Проводница предлагает чай, кофе, вафли. Катя тараторит не переставая. Желания отвечать нет, да от меня это и не требуется. Рассеянно смотрю в окно на проплывающие мимо сосны. Ехать чуть больше суток.

До Тасеева поезда не ходят, поэтому, спустившись с подножки, мы оказываемся на невзрачной с виду станции небольшого городка. Название незнакомое, ни о чем не говорящее. Незаметно подкрадывается вечер, но на улице еще светло. Город встречает нас своими ароматами: Катю – запахом свежее испеченной сдобы, меня – пыльных дорог. Катя жует только что купленную булочку и радуется каждому замеченному на заборе коту. Я молча бреду рядом, ухватившись руками за лямки рюкзака.

– Вата! – Брови непроизвольно поднимаются вверх, когда я перевожу взгляд на Катю. Она хватается за рукав и тащит к киоску, из которого выглядывает криво улыбающаяся женщина со сладкой ватой в руках. – Давай купим.

Неожиданно мои глаза снова застилает туман, и я вижу, что тянет меня уже не Катя, а какая-то маленькая девочка с забавными кудряшками. Она то и дело останавливается, поднимает на меня сердитые глаза и хмурит бровки, топает ножкой, говоря: «Ну, Денис, быстрее! Там же вата!» Вот я вижу, как лицо малышки утопает в нежной сладости. Вынырнув, девочка морщится и начинает чихать – вата попала в нос. Слышу смех и осознаю, что его источник я. Снова начинает скрипеть в груди, и, мне кажется, я слышу, будто заржавевший болт выпадает из нее и с глухим звоном падает на асфальт. Очнувшись, понимаю, что Катя, перепачканная ватой, смеется вместе со мной. Смотрю на ее губы, растянутые в улыбке. Интересно, насколько они мягкие?

До Тасеева добираемся на автобусе. Неожиданно осознаю, что в этом уголке земного шара уже шур-

шит осень, правда, пока тихо, осторожно, стараясь не нарушать права своей сестры. Навигатор говорит, что до Прудовой, З, всего два километра, и мы решаем пройти пешком. Катя привычно высматривает котов, а я тереблю лямки рюкзака.

Дождь настигает нас на половине пути. Катя встречает его танцем, подставляя веснушки под крупные капли, жмурится и мурлычет, как ее коты. Наблюдаю. Вновь меня окутывает туман, и я вижу уже привычных женщину с маленькой девочкой, смеющихся и танцующих под дождем. Я танцую и смеюсь вместе с ними, грудь обволакивает уютным и до этого неведомым мне теплом.

Видение исчезает, упираюсь в запыхавшуюся Катю, провожу взглядом по лицу и останавливаюсь на веснушках – маленькими точками они прорисовывают дорожку от одной скулы к другой и рассыпаются по щекам. И мне кажется, что веснушки у Кати теплые и уютные.

Прудовая, З. В окнах горит свет, но я медлю. Катя стоит рядом и молчит. Дрожит от холода, но не торопит. Понимаю, что ей нужно согреться, беру за руку и делаю шаг вперед... Дверь открывается, и я вижу женщину из своих видений. Она постарела, но я узнаю ее.

– Мама.

– Денис. – На секунду она замирает, а затем кидается мне на шею.

Мы стоим, обнявшись. Сквозь туман я вижу нашу ссору, вот я убегаю из дома, вот сажусь в поезд, уносящий меня прочь, удар...

Из-за двери выглядывает девушка с забавными кудряшками, смотрит на нас и уже знакомо хмурит брови.

Мама всхлипывает, крепко прижав меня к себе, а я слушаю, как в моей груди бьется сердце – тихо, осторожно...

